

А. Н. Бернштам

СРЕДНЕАЗИАТСКАЯ ДРЕВНОСТЬ И ЕЕ ИЗУЧЕНИЕ ЗА 30 ЛЕТ¹

История Средней Азии, созданная фактически трудами В. В. Бартольда, является питомницей в основном XX века.

Школа В. В. Бартольда и критически осваиваемое поколением советских ученых его огромное литературное наследство определили первый этап развития исторических знаний по истории Средней Азии. В. В. Бартольд и его последователи интересовались главным образом феодальным периодом, классическим средневековьем—от эпохи арабского завоевания до последних Тимуридов, т. е. до узбекского завоевания.

Однако самим В. В. Бартольдом были заложены основы изучения и домусульманского периода Средней Азии. Эти сюжеты, интересовавшие его в начале научной деятельности, отражены в статье об арийской культуре, напечатанной еще в 1896 г. Интерес к доисламскому периоду не прерывался и в советский период деятельности В. В. Бартольда, о чем свидетельствуют его статьи «Восточноиранский вопрос»², «К вопросу об языках согдийском и тохарском»³ и др.

До начала 30-х гг. XX в. изучение древнего периода Средней Азии развивалось слабо не только в общем историко-теоретическом плане, но даже и в накоплении фактического материала⁴.

А. Ю. Якубовский в некоторых своих работах приближался к вопросам кануна арабского завоевания, т. е. конца первого древнего этапа истории Средней Азии⁵. Промелькнули в периодической востоковедной печати

¹ Подстрочный аппарат статьи ставит перед собой задачу дать не исчерпывающую библиографию, а лишь указание типичных или главных трудов, чем объясняется его состав.

² ИРАИМК, 1922.

³ Сб. «Иран», I, 1927. О тохарской проблеме см. и в ряде других трудов В. В. Бартольда: Историко-географический обзор Ирана, СПб., 1903; Греко-бактрийское государство и его распространение на северо-восток, ИАН, 1916; История культурной жизни Туркестана, Л., 1927.

⁴ Отмечались новые издания письменных источников, имеющие отношение к истории Средней Азии. Ср., например, А. А. Семенов, Два новых исторических документа эпохи Дария Гистаспа (522—486 гг. до Р. Х.), «Бюллетень САГУ», XVII (1928).

⁵ См., например, его работу «Городища Миздакхан», ЗКВ, V, где еще безраздельно господствует точка зрения «универсального феодализма». Изменение взглядов А. Якубовского начинается явно с 1935г., на основании изучения материалов зарубежного Востока. С этой точки зрения весьма любопытна его статья «Ирак на грани VIII—IX вв.» («Труды ИВАН», XXIV (1937), стр. 25 сл.), где он характеризует рабовладельческий уклад в системе аббасидского халифата: «Рабство было укладом, тормозящим нормальный рост феодальных отношений» (стр. 48).

слабые по своей исторической методологии статьи Ф. А. Розенберга¹ о роли согдийцев в истории Средней Азии—сюжет, навеянный замечательными находками в Синьцзяне в XX в. Не-марксистские по своим установкам, упомянутые выше статьи Ф. А. Розенберга отдавали дань циклизму Эд. Мейера, признавая еще в первых веках нашей эры наличие торговой буржуазии и категорий разлагающегося капиталистического общества. Эти представления мы находим уже в наши дни в трудах Тарна и Ростовцева, посвященных эллинистическому Востоку, в том числе Средней Азии². Исследование мусульманских источников в плане штудий Маркварта—Иностранцева не велось в то время в советской исторической литературе.

Слабо развивались в эти годы и исследования в области домусульманской археологии³. Она, как и исследование письменных источников, не имела большого наследства. Выразительные находки оссуариев—астодонов (костехранилищ маздакитов) и многочисленные терракоты Афрасиаба и Мерва уже в значительной степени были подвергнуты анализу (больше в формально-типологическом плане) до революции в трудах Кастальского, Калмыкова, Пославского, Иностранцева, Бартольда и Веселовского⁴. Подготовленный последним корпус в виде таблиц афрасиабских терракот был завершён в 1941 г. К. Тревер⁵, другие же собрания оставались вне поля зрения специальных статей и монографий.

Замечательные открытия в Монголии в 1924—1925 гг. гуннских памятников в урочище Ноин-Ула и интерпретация этих находок оживили интерес к эллинистическим проблемам, нашедшим свое отражение в этом плане главным образом в зарубежной печати. Полная публикация этих замечательных находок К. В. Тревер в 1932 г.⁶ не привела, однако к отказу от старых трактовок общественного строя народов Средней Азии в нашей литературе, где стойко удерживала свои позиции теория извечного для востока феодализма.

Мало дала для построения взглядов советской исторической науки в те годы и сассанидская тематика, сосредоточившая свое внимание вокруг публикации отдельных памятников⁷. Пересмотр этих данных наступил позднее.

¹ О согдийцах см. ЗКВ, I; Согдийские «старые письма» (К ранней истории согдийских колоний Центральной Азии, ИАН ООН, 1932, № 5).

² W. T a r n, *The Greeks in Bactria and India*, Cambridge, 1938; M. R o s t o v z e f f, *The Social and Economic History of the Hellenistic World*, Oxford, 1941.

³ В основном археологические работы велись на территории Узбекистана и, главным образом, по памятникам средневековья. Характеристику взглядов и интерпретацию памятников в то время представляет работа А. А. Семенов а, «Материальные памятники арийской культуры в Средней Азии» (сб. «Таджикистан», Ташкент, 1925). В последние годы эта работа переиздана отдельной книжкой под заглавием «Материальные памятники иранской культуры в Средней Азии» (Сталинабад, 1945). Обзор работ см. М. М а с с о н, *Археологические исследования в Узбекистане* (сб. «Наука в Узбекистане за XV лет», Ташкент, 1939). Итоги работ на Афрасиабе см. В я т к и н, *Афрасиаб*, Самарканд, 1927.

⁴ Основные труды по исследованию оссуариев приведены в статье безвременно погибшего А. Я. Б о р и с о в а, К истолкованию изображений на Биянайманских оссуариях, ТОВ, II; ср. также А. А. П о т а п о в, Рельефы древней Согдианы как исторический источник, ВДИ, 1938, № 2—3.

⁵ T r e v e r, *Terracotas from Afrasiab*, M.—L.

⁶ T r e v e r, *Excavations in the Northern Mongolia*, L., 1932. Литературу см. в нашей статье «Гуннский могильник Ноин Ула и его историко-археологическое значение», ИАН ООН, 1937, № 4.

⁷ Прежде всего труды К. Тревер: «Собака-птица—Сэнмурви Паскуджи», ГАИМК, 100 (посвящ. Н. Я. Марру); статья переиздана затем Гос. Эрмитажем отдельной книжкой; она же, Сассанидский Иран в «Шахнамэ» (сб. «Фердовси», Л., 1934). Завершается этот цикл трудом К. Т р е в е р и И. О р б е л и, Сассанидский металл, Л., 1935. Дополнением к нему является труд К. Т р е в е р, Новые сассанидские блюда Эрмитажа, М.—Л. 1937.

Принципиально иное положение складывается к середине 30-х годов. Руководящие указания вождей нашей партии по кардинальным историческим вопросам определили и коренной перелом в развитии взглядов на историю Средней Азии.

Уточнение хронологических рамок древнего и средневекового периодов завершается оживленным обсуждением точки зрения С. П. Толстова о рабовладельческом периоде в истории Средней Азии, выдвинутой им еще в 1933 г.¹

Резко и прямо поставленная им проблема рабовладельческих отношений в Средней Азии неустанно разрабатывалась С. П. Толстовым в ряде работ².

Концепция С. П. Толстова, опиравшегося в то время на ограниченное количество данных по доисламскому периоду, не всегда была должным образом аргументирована и в первых своих вариантах была несколько расплывчата. Эти недостатки не снимают главного достоинства концепции С. Толстова, принятой впоследствии подавляющим количеством историков Средней Азии, а именно, что период в истории Средней Азии с середины первого тысячелетия до н. э.—до арабского завоевания—был периодом рабовладельческих отношений. Согласно с теорией С. П. Толстова отдельные выступления появлялись в различных научных изданиях³.

Выдвинутая С. Толстовым гипотеза для своего подтверждения требовала коренного пересмотра ранее накопленных фактов и накопления нового археологического материала. Но уже в дискуссиях 1933—37 гг. было установлено, что категории рабовладельческих отношений применимы для истории Средней Азии в домусульманский период. С теоретическими дискуссиями совпадает и начало интенсивных археологических исследований в Средней Азии. В 1936 г. начинают свою деятельность Термезская и Семиреченская археологические экспедиции, исследование городища Тали-Барзу под Самаркандом, а несколько раньше работы в Ташкентском оазисе, с 1937 г. начинается свои работы крупнейшая из современных археологических экспедиций СССР—Хорезмийская экспедиция, начинается ряд и других обследований, например исследование замечательного дворца бухар-худатов в Варахше.

Вместо отдельных, порой случайных, обследований, характеризующих первый период археологических работ в Средней Азии до 1936 г., наиболее ярким завершением которых по характеру добытых материалов следует считать исследование на горе Муг, начинаются экспедиции большого территориального размаха и хронологического диапазона, охватившие почти все основные районы Средней Азии.

• Не только Согд-Мавераннахр, но Хорезм и Семиречье, Туркмения и Казахстан, горы Тянь-Шаня и пески Кара-Кумов, бассейны рек Сыр-Дарья и Зеравшана были охвачены последовательно развернувшимися экспедициями научных учреждений Москвы и Ленинграда, при поддержке и активном участии местных научных центров. Летописи археологических работ в Средней Азии, а их накопилось не мало, наглядно это показывают⁴.

¹ «Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах» (сб. «Основные проблемы генезиса и развития феодального общества», М.—Л., 1934).

² «Военная демократия и проблема генетической революции», ПИДО, 1935, № 7—8; «Тирания Абурая», «Исторические записки», 1938, № 3; «Основные вопросы древней истории Средней Азии», ВДИ, 1938, № 1—2; «К истории древнетюркской социальной терминологии», там же.

³ См., например, в журнале СОНАТ; «Согдийский сборник», Л., 1934; Л. Б а ж е н о в, Средняя Азия в древний период, Ташкент, 1937 (реф. С. Толстова, см. ВДИ, 1938, 2 (3)).

⁴ Укажу основные обзоры: М. М а с с о н, Археологические исследования в Узбекистане, Ташкент, 1939 (многочисленные исследования этого автора в Средней Азии, в том числе и по памятникам домусульманского периода, см. в «Библиографии научных работ доктора археологии М. Е. Массона», Ташкент, 1944); А. Т е р е н о ж к и н,

И среди этих работ особое место занимает тематика доисламской Средней Азии, эпоха рабовладельческих отношений. Археологические исследования были подняты на более высокую ступень; добываемые в большом количестве новые археологические документы вступали в науку не как формально-типологические комплексы, а как источник для изучения исторического прошлого Средней Азии. Этим объясняется и тот факт, что проблема рабовладельческого периода сразу привлекла к себе внимание историков и стала дифференцироваться на ряд отдельных частных проблем, мобилизовавших внимание историков, работающих над письменными источниками.

Главнейшими проблемами были: 1) вопрос о генезисе и упадке рабовладельческих отношений, их хронологические рамки; 2) взаимоотношение варварского мира в лице скифских, гуннских племенных союзов и тюркских государств Средней Азии с основными центрами рабовладельческих отношений, в частности Согдом и древним Хорезмом; 3) историко-культурные, международные связи этой эпохи; 4) этногонические проблемы.

Все эти вопросы ставились на базе решения частных археологических вопросов. Нужно было создать рабочие классификационные схемы археологического материала, которые были завершены в общих контурах более подробно для Хорезма, Согда (Тали-Барзу), Семиречья¹, менее отчетливо для Термеза, Ташкентского оазиса, не полностью для Ферганы и Бухарского района². Нужно было разобраться в коренных типологических изменениях топографии поселений, что блестяще было исполнено прежде всего в Хорезмском оазисе, давшем возможность разобраться в менее отчетливом материале этого типа в других районах (Семиречье, Фергана, Тохаристан,

К историко-археологическому изучению Казахстана и Киргизии, ВДИ, 1938, № 3(4); он же, Литература по археологии Узбекистана, ВДИ, 1939, № 1; А. Якубовский, ГАИМК-ИИМК, Археологическое изучение Средней Азии за 20 лет, КСИИМК, VI, 1940 и С. Толстов и В. Шикин, Археология (в сб. «XXV лет советской науки в Узбекистане», Ташкент, 1942, см. там же обзор исторической науки); В. Авдиев, Историко-археологическое изучение Средней Азии (сб. «XXV лет исторической науки в СССР», М.—Л., 1942); Н. Саурбаев, Итоги и основные задачи изучения истории, археологии и этнографии Казахстана, «Труды Юбилейной научной сессии, посвященной XXV годовщине Великой Октябрьской Социалистической Революции, Алма-Ата, 1943; Ш. Юрханов, Историческая наука в Туркмении и С. Ершов, Археология в СССР за 20 лет (обе статьи в «Изв. ТуркФАН», 1944, № 2—3; А. Бернштам, Историческая наука в Киргизии за 20 лет (сб. «Наука в Киргизии за 20 лет», Фрунзе, 1946).

¹ С. Толстов, Древнейший Хорезм. Опыт историко-археологического исследования, КСИИМК, XIII; он же, Новые материалы по истории культуры Древнего Хорезма, ВДИ, 1946, № 1, ср. также ВДИ, 1939, № 3; 1941, № 1; КИИМК, I, VI, XII; Г. Григорьев, Городище Тали-Барзу, ТОВ, II, ср. КСИИМК, VI; А. Бернштам, Историко-культурное прошлое Чуйской долины по материалам Большого Чуйского канала, Фрунзе, 1943; он же, Некоторые итоги археологического изучения Семиречья, КСИИМК, XIII (реп. в ВИ, 1946, № 11—12); ср. по частному вопросу (усуни) М. Воеводский и М. Грязнов, ВДИ, 1938, № 3, а также А. Тереножкин, ПИДО, 1935, № 5—6.

² См. статьи М. Массона в «Трудах Термезской археологической экспедиции» («Труды УзФАН», т. 1, в. 2, Ташкент, 1940; «Труды АН Уз. ССР», 1, 2, Ташкент, 1945). Ср. нашу рецензию в ВИ, 1947, № 4; Г. Григорьев, Отчет об археологической разведке в Янгиюльском районе Уз. ССР в 1934 г.; Ташкент, 1935; он же, Каучки-тепа, Ташкент, 1940; он же, Краткий отчет о работах Янгиюльской археологической экспедиции 1937 г., Ташкент, 1940. Рецензии: А. Тереножкин, ВДИ, 1938, № 3—4; «Изв. УзФАН», 1940, № 8; С. Толстов, К вопросу о датировке культуры Каучки, ВДИ, 1946, № 1.

Продолжались работы А. Тереножкина в Ташкентском оазисе. См. его публикации в «Изв. УзФАН», 1940, № 9; 1941, № 3.

Работы в Фергане отмечены М. Массон в КСИИМК, IV; В. Гайдукевич, Работы на Ферхаде, КСИИМК, XIV. См. также замечательные открытия В. А. Шикина в Варахше (КСИИМК, X), а также обследование памятников доисламского периода в Бухарском оазисе: «Археологические работы 1937 г. в западной части Бухарского оазиса», Ташкент, 1939.

Термез). Привлек особое внимание нумизматический материал этого времени¹. В особом свете выступило значение античных сюжетов от аналогов римскому лаку до сосудов типа энохойи, от местных подражаний Лисипповским творениям и до аканфа капителей колонн². Эта вспомогательная тематика породила серии прекрасных работ, связанных как с публикацией новооткрытых памятников, так и с пересмотром старых музейных собраний³. Статьи сказать, четкую грань между этими двумя видами работ провести не так уже легко. Именно в силу новых открытий были пересмотрены не только датировки, но и центры происхождения ряда памятников, которым ранее приписывалось зарубежное, в частности сассанидское, происхождение (металл, ткани и т. п.)⁴. Археологические исследования Средней Азии поставили вопрос о пересмотре традиционных представлений о центрах происхождения таких культурных явлений, как зороастризм⁵, робкие оценки которого как среднеазиатского явления не получили в прошлом признания. Выход от археологического материала к большим общеисторическим проблемам и породил интерес к дополнительному пересмотру старых и давно известных данных письменных источников, наряду с мобилизацией новых данных этого порядка. Так рождаются (к сожалению, мало удовлетворяющие современному этапу исторических знаний) хрестоматийные своды сочинений античных и китайских авторов и их интерпретации⁶, пересмотры академиком В. В. Струве древнеахеменидской клинописи и античных авторов⁷, публикации согдийских и тюркских текстов (в пер-

¹ А. Зограф, *Монеты Герая*, Ташкент, 1937; ср. рец. С. Толстова, ВДИ, 1939, № 2; О. Смирнова, *О трех согдийских монетах* (ВДИ, 1939, № 1); она же, *Новые данные по истории Согда VIII в.* (ВДИ, 1939, № 4.); она же, *Хронология Согда VII—VIII вв.*, «Бюллетень АН Уз. ССР», 1945, № 6; С. Толстов, *Монеты шахов древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит*, ВДИ, 1938, № 4; она же, *К истории хорезмийских Сиявушидов*, ИАН, ИФ, 1945, № 4. Регистрацию и определение монет античного периода см. М. Масон, («Известия Средазкомстариса», III, 1928; «Научная мысль», 1930, № 1; «Материалы Узкомстариса», V, 1933; предисловие к работе А. Н. Зографа «Монеты Герая»; А. Бернштам, *Тюркешские монеты*, ТОВ, II.

² Г. Григорьев, *Тали-Барзу*, СОНАТ, 1938, № 2—3; она же, *К вопросу о художественном ремесле домусульманского Согда*, КСИИМК, XII; ср. также М. Масон, *Находка скульптурного карниза первых веков н. э.* «Материалы Узкомстариса», вып. 1, а также вышеупомянутые труды Термезской экспедиции (особенно статьи Масона, Вязьмитиновой, Пугаченковой и др.).

³ К. Тревер, *Памятники греко-бактрийского искусства*, Л., 1940. Основные контуры этой работы намечены были в докладе на III Международном конгрессе по иранскому искусству и археологии, 1935 г. (см. «Доклады III Международного конгресса», Л., 1939); ср. В. Чепелев, *Об античной стадии в истории искусства народов СССР*, М., 1941, стр. 97—98. См. рец. М. Rostovtzeff, AJA, XLVI, 2, 1942, стр. 295—301.

⁴ А. Тереножкин, *К истории искусства Хорезма*, «Искусство», 1939, № 2; см. о нем же, *Археологические разведки в Хорезме*, СА, VI, 1940; С. Толстов, *Монеты шахов древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит*, ВДИ, 1938, № 4—5; А. Бернштам, *Согдийская колонизация Семиречья*, КСИИМК, VI.

⁵ С. Толстов считает родиной зороастризма Хорезм. См. «Древняя культура Узбекистана», Ташкент, 1934 (реп. С. Киселев, ВДИ, 1946, № 1); ср. К. Тревер, *Гопатшах—пастух-дарь*, ТОВ, II; В. Струве, *Надпись Ксеркса о «дэвах» и религия персов*, ИАН, сер. ИФ, 1944, № 3; она же, *Родина зороастризма*, сб. «Материалы по истории таджиков и Таджикистана», I, Сталинабад, 1945, см. рец. А. Бернштама, ВИ, 1946, № 5—6.

⁶ «Древние авторы о Средней Азии», Ташкент, 1940 (см. рец. С. Толстова, ВДИ, 1946, № 1). Интерпретации этих сведений, помимо вышеуказанных работ, посвящены статьи Умнякова, *Тохарская проблема* (ВДИ, 1940, № 3—4; она же, *Тохары и тохарский вопрос*, «Труды Узб. Гос. Ун-та», Новая серия, 31, сер. ИФ, I (1946); А. Бернштам, *Усунь кушаны и тохары*, СЭ, 3, 1947.

⁷ В. Струве, *Поход Дария I на саков-массагетов*, ИАН, сер. ИФ, III, 3, 1946; ср. А. Фрейман, *Новые работы по древнеперсидским надписям*, ВДИ, 1940, № 2.

вую очередь А. Фрейман¹ и С. Малов²), мобилизация сирийских и византийских, китайских и арабо-персидских свидетельств о Средней Азии этого периода (Н. Пигулевская³, С. Толстов⁴, А. Бернштам⁵, В. А. и И. Ю. Крачковские⁶, А. Якубовский⁷).

Все это вместе взятое утвердило положение о том, что в VI—IV вв. до н. э.—до VI—VIII вв. н. э. Средняя Азия переживает эпоху рабовладельческих отношений. Стало очевидным, что земледельческие оазисы находились в тесном контакте с кочевой, варварской периферией, находящейся на стадии военной демократии, внутри которой со временем созревают также патриархально-рабовладельческие отношения. Средняя Азия в этот период выступает как совокупность отдельных областей, сочетающих свое индивидуальное историко-культурное лицо с общим ходом исторического процесса на Востоке. Выявились ведущие районы—Хорезм, Согд, Парфия, Тохаристан, Фергана: «буферные» районы типа Ташкентского оазиса, Усрушаны; периферия: степи Казахстана, Семиречье, Тянь-Шань и Алай, где дольше всего удерживались традиции военно-племенных союзов, тюркских по своему происхождению. В степях «буферных» районов ярче всего выступили синкретические формы культуры тюрко-согдийского этнокультурного круга, как, например, в Семиречье, хотя этого синкретизма не избежали и такие древние и самобытные центры культуры, как Согд.

Принципиально иными стали выступать отношения кочевников и оседлого населения Средней Азии, как органическое явление единого историко-культурного комплекса, а не как столкновение полярно противоположных стихий.

Успехи среднеазиатской археологии показали также, что культура доисламской Средней Азии находилась на весьма высоком уровне, и Средняя Азия была не только «объектом» исторического процесса, но «субъектом», активным творцом человеческой культуры в отдельные периоды и в сфере политической истории, и в области собственной культуры и определяла судьбу ряда народов.

¹ А. Фрейман, Согдийский сборник, Л., 1934; он же, Датированные согдийские документы с горы Муг и в Таджикистане, Труды ИВАН, XVII (1936); см. также ВДИ, 1938, №№ 2 и 3; 1939, №№ 3 и 4; 1940, № 1; ср. о н же, Задачи иранской филологии, ИАН, сер. ЛЯ, № 5.

² С. Малов, ИАН, ОГН, 1929; сб. «Язык и мышление», VI—VII; «Материалы Узкомстариса», вып. 6—7.

³ Н. Пигулевская, Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э., «Труды ИВАН», XXXI; ср. ВДИ, 1938, № 3; о н а же, Сирийские источники по истории народов СССР, «Труды ИВАН», XLI. В указанных работах освещены вопросы взаимоотношения сасанидского Ирана и Средней Азии, а также приведен важнейший материал по гунно-эфталтской проблеме.

⁴ Все основные работы этого автора приведены выше. Дополнительно укажу: «Новогодний праздник «Каландас у хорезмийских христиан начала XI в.», СЭ, 1946, № 2 (ср. нашу рецензию ИАН, сер. ИФ, 1947, № 2).

⁵ «Из истории гуннов I в. до н. э.», СВ, 1; «Кенкольский могильник», Л., 1940 (реп. М. Грязнова, КСИИМК, XI); «Памятники старины Таласской долины», Алма-Ата, 1941; «Археологический очерк Северной Киргизии», 1941; «Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков VI—VIII вв.», «Труды ИВАН», XXV (1946) (см. реп. С. Киселева, ВДИ, 1947, № 1). В этих работах освещается гуннская и тюркская проблемы, в частности в связи со Средней Азией.

⁶ В. А. Крачковская и И. Ю. Крачковский, Древнейший арабский документ из Средней Азии, «Согдийский сборник», Л., 1934 (см. А. Якубовский, Игнатий Юлианович Крачковский как историк, ИАН, ИФ, 1945, № 1).

⁷ Работы этого автора указаны выше. В дополнение к ним укажу на статью «Махмуд Газневи, где автор снова возвращается к проблеме рабства на Востоке (сб. «Фердовси», Л., 1934, стр. 59) как укладу восточного феодализма. В ряде популярных работ, связанных с характеристикой коллекций Эрмитажа («Культура и искусство Востока», Л., 1937; «Культура и искусство Средней Азии», Л., 1940), А. Якубовский уже склонен рассматривать домусульманский период как рабовладельческий.

В этой связи иначе выступили вопросы периодизации истории Средней Азии. Если В. В. Бартольд, давший первый периодизацию Средней Азии, в основном ее детализировал для средневекового периода по этапам завоеваний, а предшествующий арабскому завоеванию период характеризовал единым термином, как «домусульманский», «доарабский», то теперь эта проблема получила новое освещение.

Типологическо-стадиальное сходство явлений и культурно-исторические связи с античностью Средиземноморья и Причерноморья дали возможность выдвинуть вопрос о самостоятельной *среднеазиатской рабовладельческой* культуре¹, или «среднеазиатской античности».

Ведущие области Средней Азии от Хорезма до Ферганы обнаруживают ряд общих черт с культурой Переднего Востока и Средиземноморья, во всяком случае с ахеменидского времени².

Совершенно бесспорно эти явления фиксируются в памятниках раннего эллинизма для Согда, позднего—для Хорезма³. Воздействие эллинистического мира идет через Малую Азию и вначале непосредственно сопряжено с походом Александра Македонского.

С другой стороны, устанавливаются нити связей через скифо-массagetские руслу с Причерноморьем⁴. Процесс не исчерпывается односторонним воздействием. Если в Ноин-Улунский ковер проходят греческие мотивы вазовой росписи, корни которой еще в Малой Азии VI—IV веков⁵, а склепы Неаполиса несут сюжеты Средней Азии⁶, то и Дюра Европос запечатлела в графитти сюжеты крайнего северо-востока скифского мира на скальных изображениях Енисея⁷, а Хорезм сохранил реплику росписей Боспорских катакомб⁸.

Уже кельтиминарская культура Хорезма перекликается с афанасьевской культурой Енисея⁹. Посредник—явно тот же мир кочевых, пастушеских племен, среди которых рождается скифский восточный мир, способствовавший уже в тысячелетии до н. э. этим пространственно широким

¹ Крайнюю точку зрения о «среднеазиатской античности» занял искусствовед В. Чепелев. В своей рецензии на «Труды отдела истории культуры и искусства Востока» (т. 1, 1939 г.) он писал: «Среднеазиатская античность во всем ее превосходном эстетическом выражении—не поверхностная полировка местной культуры, навеянная греками», не «эллинофильство», а органическая составная часть национальной истории искусства Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана» (см. «Искусство», 1940, ноябрь—декабрь). Свою точку зрения он развил в книжке «Об античной стадии в истории искусства народов СССР» (М., 1941). Справедливо С. П. Толстов отмечает яркую главу о домусульманском искусстве в книжке В. Чепелева, называя его талантливим исследователем (см. «Сб. XXV лет советской науки в Узбекистане», Ташкент, 1941, стр. 276). Впервые свою точку зрения В. Чепелев сформулировал в журн. «Искусство», 1939, № 5. См., однако, рец. В. Блаватского, ВДИ, 1946, № 1.

² По археологическому материалу это документируется находками дариков на Афрасиабе, подражаниями ахеменидским печатям (Кастальский, Тереножкин).

³ В первом случае III слоем Тали-Барзу (см. Г р и г о р ь е в, ТОВ, стр. 92), во втором, например, городищем Топрак Кала (см. С. Т о л с т о в, Топрак Кала, ИАН, сер. ИФ, 1944, № 4).

⁴ Достаточно сопоставить среднеазиатский материал (Ташкентский оазис) по сосудам с ручной в виде животного с аналогичными комплексами Прикубанья и Придолья (см. К. С к а л о н, Изображение животных на керамике сарматского периода, «Труды отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа», I 1941). Об этих связях см. в нашей статье «Новые работы по тохарской проблеме» (ВДИ, 1947, № 2).

⁵ G. V o g o f f k a, Griechische Stickereien aus der Mongolei, «Die Antike», III.

⁶ Раскопки П. Шульца 1945—46 гг. (материалы еще не опубликованы).

⁷ M. R o s t o v t z e f f, Dura and the Problem of Parthian Art, YCS, New Haven, 1935. Ср. о н же, L'Art Gréco-Iranien, RAA, 1931—32, № 4

⁸ Раскопки С. Толстова, 1946 г. (материал еще не опубликован).

⁹ С. Т о л с т о в, КСИМК, XIII, стр. 144: «Кельтиминарская культура оказывается связанной с неолитическими и энеолитическими культурами евразийского Севера (Приуралье, Сибирь), Восточного Туркестана и побережьем океана».

этно-культурным связям, уже давно прослеженным именно на скифском материале¹.

Но не только в этих взаимоотношениях рождается этно-культурное родство среднеазиатской античности с средиземноморской. Оно рождается во внутренних законах развития среднеазиатских обществ, в факте формирования аналогичных античности социально-экономических условий.

Распад первобытнородовая общины создает древний среднеазиатский город—полис, будущий шахристан, и сельскую округу с «замками» патриархальной семьи. Если первый, за редким исключением (Хорезм), перекрыт в Средней Азии средневековыми слоями (Афрасиаб, Термез, Неса), то сельская округа в лице этих укрепленных домов-кешков сохранилась прекрасно в большом количестве районов.

Эти многочисленные дома-замки и укрепленные поселения типа греческих *εγυματα*, римских *castella*, китайских чэн, согдийских кешк характеризуют не «муниципальную автономию», подвластную «феодальным лордам» (М. Ростовцев)², или «феодальные замки баронов», как интерпретирует их В. Тарн³, а выявляют лицо своеобразной топографии поселений среднеазиатской древности⁴.

Эти социально-экономические условия развития Средней Азии и породили успех воздействия античной культуры Средиземноморья, прямые традиции которой в археологических памятниках выступают порой ярче, чем в письменных свидетельствах. Последние дополняют характеристику этих городов-государств и их округи связями с кочевым миром.

Уже Анау III дает вариант пастушества, сосуществующего с древним земледельческим населением; по мнению Н. Я. Марра, топоним «согд»—вариант этнонима «сак» (т. е. скиф); в массагетской среде кочевников—корни древней земледельческой культуры Хорезма и позднейшего государства юечжей-кушанов; столь же смешанный характер имеют племенные кангюйские конфедерации, рождающие эллинистический период Хорезма, с одной стороны, и кочевые образования степей Казахстана вдоль всей Сыр-Дарьи—с другой. Имя Кангюй принимает впоследствии и Согд накануне арабского завоевания и кочевники степей, расселенные от Ташкента до Аральского моря.

Венцом этого единства кочевых и оседлых районов является военнополитический блок Согда и тюрок (да и других областей Средней Азии), отраженный и в археологическом материале и в письменных источниках, что нашло лишь частичное свое освещение в научной литературе.

В работах советских историков, изучающих этот период Средней Азии, эти явления рассматриваются не только как результат оседания здесь гарнизонов македонян и не только как влияние «великого шелкового пути», или как отблеск гандарского искусства, а как закономерное проявление

¹ Прежде всего в широко известных работах М. Ростовцева. Из последних работ по этому вопросу укажу E. M i n n s, *The Art of Northern Nomads*, «Proc. of Brit. Acad.», XXVIII, London, 1944. Явное несогласие с Ростовцевым выражено в статье М. Perceval J e t t s, *The Horse: A Factor in Early Chinese History*, ESA, 1934, I X.

² Ср. также его навязчивую теорию о буржуазии, «пролетариате» и т. п. «*The Social and Economic History*», II, стр. 1115, 1126. Ср. его положения о подчиненности этих поселений феодальной аристократии «феодальным лордам правящего дома», гетерогенных для Парфии и греко-кушанских для Бактрии (ук. соч., I, 549); ср. статью А. Р а н о в и ч а, ВИ, 1945, № 2 («Эллинизм и его социально-экономические основы»).

³ W. T a r n, *The Greeks in Bactria and India*. Впрочем, это характерно для большинства западноевропейских авторов, пытающихся осмыслить социальный строй, в том числе и народов Средней Азии. См., например, J. J u n g e, *Saka Studien*, «Klio», 1939. См. рец. С. В о л и н а, ВДИ, 1941, № 1.

⁴ См. рец. С. П. Т о л с т о в а на вышеуказанную работу под заглавием «Подъем и крушение империи эллинистического Дальнего Востока», ВДИ, 1940, № 3—4.

внутренних процессов развития среднеазиатских обществ, лишь обогативших свою культуру этими связями¹.

Исходя из этих внутренних процессов, советские историки намечают новую периодизацию отдельных районов Средней Азии в древний период, чуждую идее членения только по эпохам иноземных вторжений, часто находивших в Средней Азии свой бесславный конец. Но в этой области сделано еще далеко не все. Общая периодизация этого периода истории Средней Азии трудна, ибо необходимо учесть много локальных своеобразий, но ряд общих периодов устанавливается достаточно четко, в частности «кушанский», с членением на ранний и поздний, отчасти «согдо-тюрокский».

Если осталась условно существовать терминология «ахеменидский период», «эпоха Александра Македонского» или «греко-бактрийская», то больше как условная терминология, особенно для первого и третьего периода, содержание которых ныне воспринимается в свете индивидуальных черт среднеазиатских цивилизаций, а не только по фактам (порой не доказанным) непосредственного воздействия переднеазиатских цивилизаций. Так, для истории Хорезма существует подробная периодизация, построенная на местном материале, то же для Семиречья, отчасти Ферганы, несколько спорно для Согда. Рождаются эти периодизации и для других районов, хотя здесь имеются еще явные отставания.

Накопленные материалы по среднеазиатской археологии «домусульманского» периода и изучение письменных источников дают возможность выдвинуть на обсуждение периодизацию среднеазиатской древности.

Если Средняя Азия выступает со своим индивидуальным лицом, если история ее народов носила активный характер и они были не только объектом, но и субъектом исторического процесса (а это и показали работы советских исследователей), то, следовательно, мы должны предложить и периодизацию исторического процесса этих народов, опираясь на их внутреннюю историю.

Какие принципы мы кладем в основу периодизации?

Во-первых, мы должны отклонить периодизацию по завоеваниям, а перенести центр тяжести на внутренние процессы истории народов Средней Азии.

Во-вторых, в случае, когда Средняя Азия какой-либо частью входила в состав другой державы Востока (например, ахеменидской, Александра Македонского, греко-бактрийской и сасанидской), — отмечать такие ее центры, которые были базой для свержения завоевателей.

В-третьих, следует учитывать ведущее значение в отдельные периоды тех или иных областей Средней Азии, названия которых и могут служить терминологической базой для названия соответственного периода.

Исходя из этих соображений, мы и строим свою периодизацию. С нашей точки зрения домусульманская эпоха от «эпохи ахеменидов» (VI—IV вв. н. э.) и до арабского завоевания (VII—VIII вв.) делится на семь периодов, а именно:

- I. Скифо-согдийский VII—IV вв. до н. э.²
- II. Сако-хорезмийский IV—III вв. до н. э. (380—250)
- III. Кангюйско-парфянский III—II вв. до н. э. (250—140).
- IV Кушанско-тохаристанский (ранний) II в. до н. э. (140 до н. э.—180 н. э.)
- V. Кушанский поздний II в.—V в. н. э. (180-е—420-е гг.).

¹ Историческое освещение этого периода дано в главах «История народов СССР», ч. 1—IV, посвященных Средней Азии (авторы С. Толстов, А. Бернштам, А. Борисов, М. Грязнов). Концепция указанных авторов принята была и авторским коллективом учебника по истории СССР для вузов.

² Все даты в скобках округлены.

VI. Гунно-эфталитский V—VI вв. н. э. (420—570).

VII. Тюрко-согдийский VI—VIII вв. н. э. (570—783).

Из предлагаемой периодизации явствует, что I период соответствует ахеменидскому, II—эпохе Александра и Селевкидов, III—позднеэллинистическому или греко-бактрийскому, IV—раннеримскому, V—VII—сасанидскому

Уже в первый период, до вторжения Ахеменидов, Средняя Азия знает образование скифских племенных союзов, фактически синхронных позднеассирийскому и раннеахеменидскому периоду.

Вторжение ахеменидов произошло еще в конце VI в., при Кире I. Далеко не вся Средняя Азия вошла в состав империи Ахеменидов, и во всяком случае значительная часть скифов оставалась независимой. В тесном родстве со скифскими конфедерациями складывалась и одна из древнейших по своей земледельческой культуре область Средней Азии—Согд; в этом названии звучит этникон среднеазиатских скифов—«сак». Древнейшие слои Тали-Барзу содержат терракоту со следами скифоидных черт.

Мы поэтому первый период именуем скифо-согдийским.

Во второй период, который начинается со времени вторжения Александра Македонского в Среднюю Азию, т. е. с 329 г. до н. э., сохраняют свою независимость две области Средней Азии. Это Хорезм и Яксартские (семиреченско-ферганские) саки-хаумаварга. Хорезм, в лице массагетских племен, и саки-скифы являются тем резервом Средней Азии, который питает антимакедонское движение и сохраняет самобытное лицо Средней Азии. На базе их помощи разворачивается и поражение фактически войск Александра за Яксартом и успех народного движения, возглавленного Спитаменом.

Выросшая на обломках империи Александра Селевкидская монархия менее затрагивает интересы Средней Азии, а Хорезм имеет больше, чем Согд, стимулов к своему развитию. Это дает нам право назвать второй период хорезмийско-сакским.

Датируем мы этот период от вторжения Александра Македонского до Антиоха I Сотера (280—261) и восстания Диодота в 250 г.

Третий период синхронен греко-бактрийскому царству (250—140 г. до н. э.). И в этот период отнюдь не вся Средняя Азия входила в состав Греко-бактрии.

Распространение находок вещей греко-бактрийского круга не очерчивает границ Греко-бактрии. В это время, как свидетельствуют китайские источники, особенно активна та группа племен, которая меньше всего была затронута предшествующими вторжениями. Это племена пяти конфедераций Кангюй—от Ферганы до Хорезма, по Сыр-Дарье. Будучи сакскими (и массагетскими?) по своему происхождению, они дифференцируются на две группы—оседлых и кочевых. Одна из них, оседлая, укрепляет позиции Давани, Согда и Хорезма, другая консолидирует племена «степного коридора» прилегающих к Сыр-Дарье степей и пустынь, заселенных кочевниками.

С другой стороны, как бы реакцией на греческое наследство является возникновение парфянского, тоже «скифского» по своему происхождению (даи, парны), государства, с политическим центром в столице Неса. Эти два важнейших историко-политических события объясняют наше предложение назвать третий период кангюйско-парфянским.

Нет нужды особенно доказывать роль и значение кушанского периода, термина, прочно утвердившегося в нашей исторической литературе. Мы предлагаем его разделять на две части—ранний, до Васудевы (третья четверть II в.), т. е. период непосредственного расцвета Кушанского государства и его связей, и второй—период упадка, когда его границы уходят

все больше и больше на юг, уступая место надвигающейся новой силе—эфталитам. Его конец (V в.)—начало возвышения эфталитов.

Первый кушанский период мы именуем кушано-тохаристанский, по тому значению, которое приобретает Тохаристан при кушанах как, в частности, центр раннего буддизма и расцвета городов типа Термез, особенно, видимо, при Канишке (78—123 г. н. э.).

Распад Кушанской империи вызвал окончательное оформление Эфталитской державы, дерзнувшей в какой-то мере реставрировать Кушанскую империю периода расцвета. В степях активно действуют союзы кочевников гуннского цикла, за вершающие процесс формирования тюркоязычной группы племен Средней Азии. В системе Эфталитского государства ведет свое существование большинство оседлых районов Средней Азии. В период расцвета, в конце V в. эфталиты наносят сильнейший удар (в союзе с маздакитами) сасанидскому Ирану. Продолжительность этого периода—до выступления тюрков в середине VI в., т. е., очевидно, до 570 г., когда тюрки устанавливают связь с Византией (тюркское посольство Маниаха и ответное Земарха 568—569 гг.).

Эмансипация Согда от сасанидского Ирана и его военно-политический блок с тюрками, особенно активно вмешавшимися в дела Среднеазиатского междуречья с 580-х гг. (тирания Абрауя), определяют хронологические рамки тюрко-согдийского периода. Именно согдо-тюрки, спаянные согдийской колонизацией Семиречья и тюрко-согдийским военно-политическим блоком, определили тот факт, что на разгром сасанидского Ирана арабам фактически понадобилось пять лет (Кадусия—Ктезифон: 637—642), а на завоевание Средней Азии, особенно в их движении на Восток от Мерва до Таласа (651—Мерв, 751—Талас),—сто лет. Только с подавлением восстания Муканны (775—783 гг.) утверждается власть арабов, окончательно сокрушается власть согдийского дехканства и сила тюркских каганов в Средней Азии. Ведущее значение этих районов—факт общеизвестный, что позволяет нам этот последний, так называемый «византийский», этап «среднеазиатской античности» называть тюрко-согдийским.

С утверждением аббасидского халифата для Средней Азии начинается активный процесс формирования феодальных отношений, классические формы которого демонстрируют общественные отношения сельджукско-караханидского периода (XI—XII вв.).

Такова периодизация среднеазиатской древности домусульманской эпохи. Как и каждая периодизация, как и каждая схема, она не покрывает все разнообразия среднеазиатских цивилизаций, но подчеркивает в своих названиях ведущие области для каждого периода и соответствует общей периодизации Среднего Востока (отчасти Переднего и Дальнего), исторические события которого определяли (и иногда в значительной степени) судьбы Средней Азии. Не отрицая их воздействия, мы все же считаем, что, поскольку изучение Средней Азии привело историков к выводу о самостоятельном культурном облике и политической истории народов Средней Азии в античную эпоху, постольку и должна быть создана ее историческая периодизация, резюмирующая этот исторический процесс.

Возможность выставить, хотя бы в порядке обсуждения, новую периодизацию древней истории Средней Азии определилась благодаря успехам исторической науки и, в первую очередь, размаху археологических исследований именно за советский период.

Слабее обстоит дело с разработкой собственно исторических проблем среднеазиатской древности, в частности ее политической истории и социально-экономической характеристики. Объясняется это, прежде всего, бедностью письменных источников. Историк здесь располагает односторонним материалом—надписями Ахеменидов и античных авторов, с одной стороны, ки-

тайскими источниками—с другой. Источники этого типа дают материал для характеристики внешней истории среднеазиатских обществ, китайские—для построения общей хронологической канвы. Но даже в этой ограниченной области эти источники страдают предвзятостью. Подобно тому, как надписи Бехистунская и Накши-Рустемская преувеличивают завоевания Дария в среднеазиатских областях и особенно саков (как и Персепольская—завоевания Ксеркса), надпись Пайкули, вероятно, преувеличивает власть сассанидского Ирана над Средней Азией в эпоху Нарсеса. Строки 16—20 надписи Пайкули создают впечатление, что вообще она создана не в III в., а по крайней мере в VII, но и для III и VII вв. трудно предположить подчинение Сассанидам кушанского или афригидского Хорезма¹. Столь же сомнительны захваты Шапуром областей Средней Азии вплоть до Шаша.

Что касается общественного строя народов Средней Азии, то ряд данных, свидетельствующих об общих типических чертах культуры Средней Азии и соседних народов, оправдывает привлечение источников, происходящих из соседних стран, для суждения об основных чертах и законах развития среднеазиатской действительности. Этим объясняется обращение к сассанидским текстам и китайским анналам. Следует отметить, что в этом отношении сделано мало. Не тронуты тибетские² и сакские документы Синьцзяна³. Только частично использованы согдийские и уйгурские, в целом дающие богатейшие данные для вскрытия внутренних процессов развития социально-экономической истории Средней Азии. А оазисы Синьцзяна наиболее близки к истории городов Средней Азии, не только по схожести стадияльной, но и в силу конкретно-исторических связей⁴.

Слабым местом в разработке среднеазиатской древности является вопрос о роли и характере непосредственных производителей в Средней Азии в античную эпоху. Объясняется это состоянием источников, дающих кой-какое представление только о позднем этапе среднеазиатской истории.

Таковы общие итоги и успехи в деле изучения среднеазиатской древности за 30 лет.

Наблюдения советских историков, их открытия в части археологической получили положительный отклик за границей⁵, проблемы исторические упорно замалчиваются. Наблюдениям и выводам советских историков молчаливо противопоставляется теория цикличности, порой расистские бредни. Наряду с развитием наших положений, неустанным критическим отношением к своим коллегам, следует не забывать и о необходимости своевременного реагирования на эти выступления в буржуазной научной литературе. Она признала уже наш добытый материал, порой признает его историко-культурную интерпретацию, но классовая буржуазная сущность не позволяет ей признать историко-методологическое осмысление материала в трудах советских историков.

¹ E. Herzfeld, Paikuli, Monuments and Inscriptions of the Early History of Sasanian Empire, Berlin, 1924.

² F. W. Thomas, Tibetan Documents concerning Chinese Turkestan, II: The Sa-cu Region, JRAS, 1927.

³ Sten Konow, Ein Neuer Saka-Dialekt, SPAW, XX (1935), T. Burrow, Further Kharosthi Documents from Niya, BSOS, IX, 1, 1937.

⁴ Подробно об этом см. А. Бернштам, Исторические проблемы Восточного Туркестана, ВДИ, 1947, № 2.

⁵ См., например, «American Anthropologist», № 42, в 2; «Antiquity», 1940; N. Field and E. P. Frost, Excavations at Khwarazm 1937—38, «Ars Islamica», VI, 2, 1939. Систематические обзоры помещаются в журналах Man, AJA и других.